

ЛЕНОСТЬ ГРУБОГО ПРОСТОНАРОДЬЯ

Книга почтенного нашего экономиста г. Горлова навела нас на мысль познакомить читателя с одним из бесчисленных примеров того, как несправедливые жалобы и неосновательные опасения людей, погрязших в узком и грубом предрассудке обветшалой рутины, легкомысленно принимаются публикой, поддерживаются толпой мнимых ученых, привыкших без разбора повторять всякие устарелые мнения, и, наконец, надолго принимаются обществом за научную истину, между тем как нужно только присмотреться к фактам, чтобы убедиться в пустоте противных чувству справедливости и здравому понятию о человеческой природе доводов, которыми прикрывается близорукое своекорыстие. В предисловии к руководству г. Горлова мы нашли обещание с особенным вниманием рассматривать те вопросы политической экономии, которые имеют непосредственное отношение к важнейшим нынешним заботам русского общества. Мы вздумали посмотреть, что говорит он об уничтожении обязательного труда. Оказалось, что по его свидетельству освобождение рабочих классов вообще приносило убыток их бывшим владельцам и влекло за собою уменьшение производства страны, то есть обеднение общества. Главнейшим примером этому выставляется у г. Горлова освобождение негров в английских колониях. Мы нимало не виним г. Горлова за такой тусклый взгляд на дело: виноват не он, а составители французских книжек и книг, которым он безотчетно следовал. Но важность не в том, кого винить, а в том, чтобы раскрыть неосновательность мнения, противного справедливости. Мы обращаем внимание на этот вопрос потому, что в известной части нашего общества господствуют те же опасения и, ничего еще не видя, слышатся те же самые жалобы, какими наполнили Европу землевладельцы английских колоний. Работники, которые прежде принуждались к труду властью господина, ленивы; если есть между ними некоторые немногие не совсем негодные люди, то и эти немногие по грубости своих привычек удовлетворяются очень малым и ни за какие деньги не станут работать много и усердно,

а станут жить кое-как: получив хотя самую грубую пищу и одежду с своего небольшого участка, они будут лежать на печи, не нуждаясь ни в чем лучшем. Наше земледелие почувствует недостаток в работниках, и нивы наши запустеют. Это мы слышим каждый день. То же самое говорили плантаторы английских колоний; французские сочинители, слова которых легковверно принимаются за авторитет не одним г. Горловым, утверждают, что английские плантаторы говорили справедливо.

Досада, производимая легкомысленным повторением вздорных претензий, заставила нас вспомнить статью об освобождении негров в английских Вест-Индских колониях, недавно помещенную в «*Edinburgh Review*» (july *, 1859). Журнал этот не может быть подозрителен для наших консерваторов: если он когда-нибудь грешил склонностью к прогрессу, он давно излечился от такого недостатка¹. Он свирепо нпадает на Диккенса за отрицательное направление и за непочтительность к начальству. С великим презрением он говорит о демагоге Брайте, который злонамеренно, но бессильно рукою пытается потрясти все основы английской славы и национального благосостояния². Он жалеет, что нельзя вполне восстановить прежних уголовных наказаний против работников, отказывающихся работать по цене, которою они недовольны, но советует парламенту восстановить наказание против таких мятежников, насколько это можно после долговременной потачки, которая необдуманно дана им. Словом сказать, это журнал хороший и благонамеренный. Посмотрим, что говорит даже он об экономических последствиях уничтожения обязательного труда в английских Вест-Индских колониях.

Если есть страны, удобные для лениости простонародья, то уж это, конечно, острова Вест-Индского архипелага. Там не то, что у нас. Нет нашей зимы, нет нашей надобности в теплом жилище, платье; несравненно меньше надобности в самой пище. Разве в июле так безопасен у нас человек от холода, как там в самое холодное время года. При таком тепле пища требуется желудком только для возобновления мускулов, а не для согревания тела, как у нас, и человек там целую неделю будет сыт тем, что нужно у нас съесть в один день, чтобы не мучиться голодом. Десятой части того, что нужно у нас для поддержания жизни, довольно там, чтобы жить в избытке; но и это немногое нужное достается не так, как у нас. Земля там не чета нашему чернозему, — она, быть может, и не так прославлена за свою плодотворность, но с одной десятины человек собирает там столько, сколько не соберет у нас с двадцати черноземных десятин, и на обработку этой одной десятины нужно употребить ему в пять раз меньше труда, нежели у нас на десятину даже в тех местах, где не знают удобрения. Да и земля попадает в руки человеку

* Ошибка; надо читать: *april* (апрель). — *Ред.*

там не так, как у нас: пустопорожних пространств, никому не принадлежащих, на Ямайке столько, сколько у нас в какой-нибудь Барабинской степи, а паспортов и разрешений на поселение там не у кого и брать: поселился где хочет, и никому до того дела нет. Кажется, при таких обстоятельствах должно быть в простонародьи там поменьше охоты работать по найму, чем у нас. И какое простонародье там? Не наши мужики, о которых только из нас же некоторые полагают, будто они ленивы, но которые давно заслужили в Западной Европе славу своей неутомимостью, — нет, африканская раса, о которой огромное большинство и немецких, и французских, и английских ученых твердит, что леньность прирождена ей. Не такие авторитеты, как г. Бланк³, говорят, что негр ненавидит всякий труд и может работать только из-под палки. Посмотрим же, было ли разорительно при таких работниках и при таком климате уничтожение обязательного труда для вест-индских землевладельцев; и если бы оказалось, что их жалобы на леньность освобожденных негров несправедливы, что негры нанимаются в работу охотно и работают усердно, что хозяйство с наемным трудом, даже на Ямайке, гораздо выгоднее обязательного труда для землевладельца, то, вероятно, можно будет заключить, что в нашем климате наш народ подаст еще меньше причин каждому, хотя сколько-нибудь рассудительному и расчетливому, землевладельцу жалеть об уничтожении обязательного труда.

Мы могли бы вместо перевода представить только извлечение из статьи «Edinburgh Review». Но факты, на которые мы обращаем внимание читателя, противоречат мнению, чрезвычайно пространному, и мы не хотим подавать повода к подозрению, что сколько-нибудь изменили их: пусть говорит сам «Edinburgh Review».

Лет сто тому назад, когда чернокожие люди редко попадались к северу от Твида, старая шотландская леди, встретив однажды на улице негра, с величайшим удивлением воскликнула: «Посмотрите, господа, чего нельзя сделать за деньги!» Точно так же могла бы воскликнуть и английская нация. Ценою 20 миллионов фунтов мы создали свободного вест-индского негра. Посмотрим теперь, благоразумное ли употребление дали нашему капиталу?

Многие высокие авторитеты уже отвечали на этот вопрос. Они объявили, что наши Вест-Индские острова, некогда богатейшие и прекраснейшие в мире, теперь пришли в окончательный упадок, что их города разрушаются, брошены жителями, разорены; гавани пусты, торговля уничтожена, земледелие впало в агонию, старые склады запасов истощены, владельцы этих некогда плодородных стран томятся в бедности или умерли с горя; наконец,

негры, для которых все это было сделано, с каждым днем становятся более дикими, ленивыми, скотоподобными. Вот, говорят эти высокие авторитеты, вот что сделала наша филантропия. Посмотрим, справедливо ли все это. Вопрос заслуживает некоторого внимания. Освобождение английских невольников было поступком беспримерным в истории человечества. Мы не знаем другого примера такой благородной жертвы, принесенной целым народом. Английская нация нашла рабство делом жестоким; нашла, что оно нарушает закон любви; потому она решилась уничтожить рабство и приняла на себя все издержки по этому делу. За освобождение невольников она заплатила 20 миллионов фунтов стерлингов.

Можно ли, взвесив все обстоятельства дела, назвать этот поступок безрассудным? Правда ли, что он внес в мир страдания, а не благоденствие? Правильным решением таких вопросов, конечно, стоит заняться. Дать на них ответ утвердительный, значило бы опровергнуть старый, благородный афоризм: «справедливость вредна не бывает». Если освобождение негров привело к злу, а не к добру, то всякий будет иметь право сказать, что права человека сами по себе достойны всякого уважения, но что, исключительно уважая их, человек рискует остаться в дураках.

Мы вовсе не отвергаем того, что вест-индским землевладельцам пришлось пережить трудный период в 1847 и следующих годах⁴. Неудивительно, что составилось тогда мнение, будто освобождение невольников нанесло смертельный удар нашим некогда процветавшим колониям. Публика не хотела принять в соображение, что крик отчаяния плантаторов раздавался четырнадцать лет после уничтожения невольничества, непосредственно после переворота совершенно иного рода. Публика не заметила также, что до нее доходил не общий голос вест-индского населения, а главным образом только вопли тех землевладельцев, которые жили в Англии. Эти вопли, естественно, звучали всего громче, но не были выражением мнения массы населения. Публика весьма естественно пришла к мысли, что гибель постигла все наши сахарные плантации, хотя на самом деле пострадали только некоторые из них. Весьма естественно, что когда перестал раздаваться «этот яростный, ужасный вопль страдания» (выражаясь словами, употребленными тогда в речи королевы), мир заключил, что его заглушила смерть; между тем как на самом деле он замолк, потому что кризис миновался. Мир вообразил, будто наши сахарные колонии исчезли с лица земли, хотя на самом деле они быстро приобретают ценность, какой до освобождения никогда не имели.

Долгое и внимательное изучение этого вопроса непреодолимой силой привело нас к заключению, что публика ошиблась в своих предположениях. Мы надеемся, что читатель, который последует за нами до конца этой статьи, согласится, что освобождение невольников *оказывается выгодным для плантаторов*, даже если

откинуть все, кроме денежной стороны вопроса. Мы представим доводы, которые положительно доказывают, что если бы Англия даже совершенно не думала о тех благородных принципах, которые подвинули ее на великое дело, если бы она просто с тонкобдительным расчетом искала своей выгоды, — и тогда освобождение невольников было бы с ее стороны делом полезным и умным.

Итак, вот простой вопрос, на который мы искали ответа. Не заботясь о гуманности, нравственности, имея в виду один только карман, мы хотели узнать, была ли эманципация хорошей или дурной спекуляцией. Она, без сомнения, была выполнена с доброй целью; но разорили ли филантропы Вест-Индию, или, напротив, спасли ее от неизбежного, безотлагательного разорения и поставили на путь к здоровому и блистательному благоденствию? Пусть это будет пробным камнем великого опыта, сделанного в 1834 году. Осудим его безусловно, не обращая никакого внимания на его благородство, если он привел бывшие невольничьи колонии к разорению. Но если бедствия, постигшие Вест-Индию в 1847 году, должны очевидно быть отнесены к другим причинам, если они были только мимолетной грозой, если, по устранении этих причин, Вест-Индия нашла в свободе источник благосостояния, неизвестного во дни рабства, — тогда провозгласим величие совершенного нами освобождения.

Факты приводят нас к утвердительному ответу. Они показывают, что невольничество с страшной быстротой увлекало наши колонии к гибели; что, продлись оно еще полстолетия, положение их стало бы неисправимым. С другой стороны, эти факты нам показывают, что теперь под влиянием свободы наши колонии с каждым днем становятся богаче и счастливее. Торговля их расширяется, земледелие совершенствуется, население становится развитее, промышленнее, нравственнее.

Никогда еще судьба целого народа не подвергалась столь коренному перевороту, как тот, который испытали 800 000 британских негров при переходе из рабства к свободе. Когда в ночь 31 июля 1834 года начал раздаваться звук двенадцатичасового колокола, они еще были, в глазах закона, вещами, движимым имуществом, вьючным скотом, собственностью своих владельцев; когда замолк этот звук, они стали людьми свободными, поднялись до уровня тех самых людей, которые прежде владели ими. Весь порядок вещей изменился до такой степени, что теперь нелегко составить себе живое понятие об уничтоженном состоянии общества, хотя еще осталось достаточное количество следов от главных черт этого безобразного прошедшего. Просматривая кипы документов о невольничьих колониях во время борьбы за эманципацию, мы были удивлены ужасными размерами жестокости, порождаемой невольничеством. Есть много людей, убаюкивающих себя легким и сладким убеждением, что плантации наши пользовались благами кроткого управления и что рассказы

о варварстве, будто бы господствовавшем в них, — не более, как чистый вздор. Мы нашли слишком много причин переменить свой взгляд на этот вопрос. Но, несмотря на мрак рабства, на его слишком частые ужасы, кажется, что и в этой атмосфере иногда играл солнечный луч. Восхитительная картина блестящей стороны невольничества показана нам Льюисом⁵, человеком с поэтической душой и чрезвычайно добрым сердцем, поехавшим на свои плантации по сознанию своих обязанностей относительно невольников. Он прибыл в Ямайку 1 января 1816 года. Тяжелые работы сбора жатвы только что кончились, и негры находились в самом веселом расположении духа. Воздух был упоительно благоуханен. Запах пахучих дерев напоминал Льюису «живительный, пропитанный благоуханиями воздух рая». Местность имела чрезвычайно живописный характер, при яркой зелени растительности, и оживлялась игрушечным видом негритянских домиков, окруженных небольшими садами с пахучими кустарниками. Радость невольников при виде своего господина выразилась шумно. Они пели, плясали, кричали, шутя толкали друг друга, катались по земле; и все наперерыв, мужчины, женщины и дети, громко болтали. Матери подымали своих черных, лоснящихся ребятишек, смеясь во весь рот, и кричали: «Масса, масса*, посмотри: вот будет массе хороший негритенок». Была и женская красота для пополнения картины. Представительницей ее была Мери Уайггинс, негритянка чистой крови с великолепными зубами, с кротким и блестящим взором. Старые слуги семейства Льюиса собрались взглянуть на него и обнаружили теплоту энтузиазма, составлявшую необыкновенно приятный контраст с холодными английскими манерами. Он расчувствовался в атмосфере добрых взглядов и кротких слов, ждавших его ответной улыбки. Пурпурные горы с трех сторон замыкали местность, домики, рассеянные вокруг, давали всей сцене вид необыкновенной жизни. Картина была тем заманчивее, что вся обстановка отличалась щеголеватым видом. Негры были одеты в куртки и панталоны совершенно белые или с красными и голубыми полосками. Тут толпа негров несла на головах спелый тростник на мельницу. Там другая относил выжимки. Стада индюшек искали под деревьями убежища от зноя. Река была наполнена утками и гусями. Кузнецы и плотники стучали молотами и топорами. Тяжелые телеги, запряженные шестью или восемью волами, свозили с полей груды маиса. Черные ребятишки укладывали его в магазины или дрались со свиньями, такими же черными, как и они сами, и с такой же деятельностью принимавшимися красть зерно, чуть только ребятишки выпускали их из виду. Вот картина, поразившая взор мистера Льюиса, когда он явился на открытой галлерее своего дома.

* Сударь. — Ред.

Вот каким аркадским благоденствием пользовались невольничьи плантации доброго и богатого владельца. Но оказывается, что и этот адём не был безусловно счастлив.

Под кротким управлением мистера Льюиса дела шли очень мирно; но и тут он стал замечать вещи, которые далеко ему не нравились. Он сам говорит, что «безмерны были его удивление и досада», когда он открыл, что делалось в плантации прежде, чем стали ожидать его приезда. Письма его отца постоянно были наполнены самыми положительными приказаниями о хорошем обращении с невольниками. Управитель, которого он выбрал, пользовался отличнейшей репутацией. При всем том, он позволил надзирателю — своему помощнику — обращаться с неграми так жестоко, что было время, «когда они положительно вынуждены были взбунтоваться, и почти все лучшие невольники разбежались....» «Если бы я сам не отправился на Ямайку, — прибавляет мистер Льюис, — то, по всей вероятности, не имел бы и самой неполной идеи о том, какому ужасному обращению были подвергнуты эти несчастные создания». Его управитель ничего не сказал ему прямо, а только покачал головой и дал ясно понять бедному Льюису, что с невольниками нельзя иметь дела без бича. Необходимость этого двигателя скоро выяснилась самому Льюису, потому что вместо 33 бочек сахара в неделю, которые выдывались до его прибытия, невольники стали выделывать всего 13 бочек. «Негры развращены», — замечает Льюис; но скоро он пришел к тому же заключению и относительно белых, живших в колонии: плантаторы обвинили его перед судом за излишнюю снисходительность к его же собственным невольникам. Осматривая другую свою плантацию, которую считал «совершеннейшим подобием рая», он к прискорбию увидел, что она была «адам на земле».

А каким земным адом были плантации других владельцев, можно судить по простому, неприкрашенному рассказу мистера Уитли, бывшего в 1832 году бухгалтером в плантации Нью-Грунд, на Ямайке. Рассказ этот так жив, что мы решаемся передать одну из многих сцен, находящихся в нем. Заметим, что эти возмутительные жестокости вовсе не были явлением исключительным.

«12-й пример. Замужнюю женщину, мать нескольких человек детей, однажды утром притащили к дому надзирателя, обвиняя в покраже курицы. Доказательством преступления представили несколько перьев, будто бы найденных в ее хижине. Надзиратель спросил ее, может ли она заплатить за птицу. Она дала ему какой-то ответ, которого я не мог ясно расслышать. Надзиратель повторил свой вопрос и снова получил такого же рода ответ. Тогда он сказал: «Разложите ее». При этих словах женщина наполнила воздух криками ужаса; лицо ее страшно изменилось, губы мертвенно побледнели. Надзиратель с ругательством повторил свое приказание. Женщину тогда растянули на земле, два

негра стали держать ее. Платье и рубашка были сорваны с ее спины, и, обнажив ее таким грубым образом, ее подвергли ударам бича. Наказание этой несчастной было бесчеловечно жестоко. Она была довольно полна собой, и бич глубоко врезывался в тело при каждом ударе. Она сильно рвалась из рук палачей и громко стонала, но не произносила ни одного слова. Только однажды у нее вырвался умоляющий вопль: она просила, чтобы не выставляли ее наготы. Женская стыдливость заставляла ее страдать еще больше, чем жестокая физическая боль. Но на эту просьбу надзиратель отвечал только грубой бранью, и бичевание продолжалось. Несмотря на свое отвращение, я досмотрел дело до конца, считая удар за ударом. Их насчиталось *пятьдесят*, между тем как колониальные законы ограничивали произвол владельца или управителя тридцатью девятью. Несчастная жертва была страшно истерзана. Когда ей позволили встать, она снова громко вскрикнула. Надзиратель разразился грубым ругательством и погрозил снова «разложить» ее, если она не уймется. Затем он приказал отвести ее в госпиталь и поставить в колодки. В колодках ее продержали несколько ночей сряду, а днем заставляли заниматься какой-нибудь легкой работой во дворе госпиталя. Она была истерзана так жестоко, что не могла быть послана в поле в течение нескольких дней».

В четырех «коронных колониях» английское правительство могло повелевать. Оно потребовало, чтобы каждый плантатор под присягой представил отчет о наказаниях, которым подвергались его невольники. В этих присяжных отчетах за 1828 и 29 годы показано 68 921 наказание. Закон в коронных колониях ограничивал число ударов двадцатью пятью. Его постоянно нарушали; но мы все-таки положим, что средним числом давали только 20 ударов. При таком счете число ударов, правильным порядком розданных неграм, в одних этих четырех колониях, в течение только двух лет, доходит до 1 350 000! Плантаторы показали, что из этого числа 25 094 наказания, или, при той же средней цифре, полмиллиона ударов пришлось на долю *женщин!*

Итак, кажется, довольно ясно, что бич и страх бича должны были иметь своим следствием необъятную массу физического и нравственного страдания. В этом отношении освобождение, без всякого сомнения, значительно увеличило благосостояние человека, заменив тиски страха приманкой награды. Но самой чудовишной, поразительной чертой вест-индского общества при невольничестве был тот факт, что невольники вымирали в размере, который даже тогда называли «ужасным».

Не рассказы о жестокостях открыли парламенту весь вред, всю нелепость невольничества. В уме государственных людей Англии смертельный удар был нанесен ему отчетами о движении народонаселения. Из восемнадцати островов только одиннадцать прислали такие отчеты; но и тут уже обнаружился «ужасный» факт,

что в течение двенадцати лет число невольников на этих островах уменьшилось на 60 219 человек. Вместо 558 194 их тогда оказалось 497 975 *. Из этого факта каждому легко было понять, что система невольничества не может держаться. Замучивая вест-индских негров работою до смерти, можно было получать хорошие доходы в течение известного времени: но à la longue это не могло быть выгодной аферой. Вопрос о народонаселении стал главным, можно сказать — единственным предметом прений о невольничестве в 1831 и 32 годах. Можно ли было назвать невольничество поголовным убийством рабочего сословия наших сахарных островов — вот вопрос, который и с денежной стороны, и с нравственной стороны был разобран в долгих, горячих спорах. Результатом их было полное подтверждение ужасного факта. По выражению Марриета, невольники вымирали «как чумные овцы».

Итак, что бы ни говорили в пользу вест-индского невольничества, оно все-таки должно быть заклеено тем приговором, что негры от него вымирали. Наступило освобождение, и дело вдруг переменялось. В следующие двенадцать лет число негров в десяти колониях (важнейшие колонии не прислали отчетов) увеличилось на 54 076 человек. Одного этого факта довольно для оправдания освобождения. Какие бы бедствия оно ни повлекло за собой, все же смерть всех невольников была бы вреднее для владельцев. А между тем дело именно шло к этому, и даже весьма быстро. Если бы смертность продолжалась в тех же размерах, невольники все вымерли бы в течение одного столетия. Предоставляем здравому смыслу наших читателей решить, могло ли быть выгодным продолжение такого порядка вещей.

Мы показали, как убийственно было страдание, которому невольничество подвергало рабочие классы Вест-Индии. Мы бросили взгляд на притеснение, которое они выдерживали, и показали, как они вымирали от него. Итак, принимая в соображение массу народа, было не только добрым, но и благоразумным делом разорвать их цепи. И теперь, может быть, покажется странным, что было когда-нибудь время, когда желали продолжения такого порядка вещей ради выгод небольшого числа лиц. Но защита системы сделалась уже окончательно нелепой, когда оказалось, что она не имела даже плачевной заслуги обогащать тех, для чьих выгод ее поддерживали. В Вест-Индии яснее, чем где-нибудь, обнаружилась истина, что замена естественного порядка вещей искусственным есть близорукое безумие. Действительно, плантаторы были люди, владевшие богатейшими землями в мире. Им принадлежало большое число людей, которых они могли заставлять работать сколько хотели. Они пользовались монополией до того строгой, что даже сахар других владений Англии, сахар

* Уменьшение числа невольников вследствие отпуска их на свободу сюда не включено.

Индии и Сингапура, был устранен от конкуренции с ними. И, несмотря на все это, с самого начала нынешнего столетия эти люди беспрестанно представляли министру колоний и парламенту записки, наполненные жалобами, стонами и горем. Даже в 1805 году, еще до запрещения привоза невольников из Африки, плантаторы говорили, что положение их становится все более и более затруднительным и грозит им неминуемым разорением. Это действительно было справедливо.

Если бы мы привели здесь все эти, теперь забытые, жалобы плантаторов, они показались бы скучны. Мы только посмотрим, в каком положении были денежные дела плантаторов в 1830 году, когда невольничество и монополия достигли полного своего развития, за три года перед уничтожением невольничества.

В 1830 году лорд Чендос представил от имени вест-индских плантаторов просьбу, свидетельствовавшую «о тяжелых бедствиях, с которыми они борются». В своей речи он объявил, что они «не в состоянии выдерживать долее это бедствие, что они приведены в положение, которое вынуждает их просить помощи парламента». Брайт (конечно, не нынешний Брайт⁶) говорил: «бедствия вест-индских колонистов не имеют себе подобных в целом государстве. Многие семейства, прежде жившие в изобилии, теперь приведены к окончательной нищете». West-India Reporter также приводит отчет о коммерческом состоянии Вест-Индии, в котором сказано: «Положительные свидетельства доказывают, что только быстрые и энергические меры могут спасти большинство плантаторов от разорения, которое в противном случае неминуемо должно постигнуть их в весьма непродолжительном времени». Производство колоний уменьшалось. Так, в течение пятилетия, заключенного 1820 годом, из Ямайки было вывезено 585 172 бочки сахару, а в пятилетие, заключенное 1830 годом, всего только 493 784 — уменьшение <на> 91 388 бочек. А если возьмем десятилетия, заключенные 20 и 30 годами, то увидим в течение последнего уменьшение на 201 843 бочки.

Другой факт очевидно показывает, что эти бедствия постоянно бы усиливались, если бы невольничество не было уничтожено. Голландская колония в Суринаме подверглась тому же разорению, которое постигло и наши * острова. Сохранение невольничества несколько не изменило в ней дела. Перед нами обширная колония, где невольничество поддерживается во всей своей силе и прелести. К чему же привел этот порядок вещей? — К разорению почти окончательному. «Из 917 плантаций 636 совершенно оставлены! Из числа прочих 65 производят только лес или съестные припасы». Небольшой остаток других близок к гибели.

Итак, вот положение дел, с которым приходилось бороться государственным людям 1833 года. Перед ними была система,

* Т. е. британские владения в колониях. — Ред.

поддерживавшаяся одной только силой. Она лишала 800 000 невольников всяких гражданских и человеческих прав, считала их животными, назначенными только обогащать своим трудом многие английские семейства. Она умерщвляла этих людей и в то же время привела их владельцев к бедственному состоянию, «не имеющему себе подобного»; привела этих джентльменов Англии к позорной необходимости просить «помощи» парламента. Наконец она постоянно уменьшала производительную силу плодородных островов Вест-Индии. Убийство рабочего класса, разорение владельцев — вот блистательное дело невольничества, вот порядок вещей, к которому многие взоры все еще обращаются с нежным сожалением. Сам Карлейль, главный ненавистник филантропов, с обычной своей силой сказал нам:

Чтобы успеть в этом мире, чтобы достигнуть счастья, победы, развития, человеку или народу нужно только одно: узнать отношение истинных законов мира к нему и к его делам, и затем с постоянством и верой следовать этим законам. Они приведут его к победе. Кто бы ни поставил его на этот путь, может быть назван его другом из друзей. И по той же причине следует назвать нашим врагом из врагов того, кто совращает нас с этого пути.

Это оказалось совершенно справедливым в Вест-Индии, где произвольное установление искусственных законов вместо естественной свободы человека готово было привести к уничтожению рабочего класса и окончательному разорению плантаторов.

Мы не имеем в виду разбирать, почему невольничество должно было привести не к богатству, которого от него ждали, а к этому непредвиденному разорению. Заметим только, что это безумие везде имело те же роковые последствия.

Замена свободного труда невольничьим имела значительное влияние на постепенный упадок Римской империи. Россия, одна из всех христианских государств, до сих пор удерживала своих крестьян в неволе; и Россия далеко отстала от остального христианского мира и в денежном, и в нравственном богатстве.

Но всего поразительнее этот факт в невольничьих штатах Северной Америки. Путешественники свидетельствуют, что, несмотря на роскошь почвы и климата, эти штаты имеют жалкий вид, если сравнить их с свободными штатами Союза. Американский агроном, мистер Ольмстед, разобрав вопрос с тактом практического фермера, представляет нам неопровержимые доказательства разрушительного влияния невольничества и превосходно объясняет, почему наем человека, годного к данной работе, непременно обойдется дешевле, чем содержание целой орды людей, из которых работа выжимается страхом кнута. Читая его печальный рассказ о бедствиях невольничьих штатов, ясно понимаешь, как много должно теряться производительных сил вследствие настойчивого, постоянного сопротивления, которое эта система выжимания труда встречает в работнике. Можно сказать, что она поощряет его леность к самому энергическому сопротивлению.

Под ее влиянием негр не только всеми силами старается употребить возможно большее время на возможно меньший труд; но, по согласной жалобе всех негровладельцев, становится до такой степени невнимательным, что уничтожает всякую возможность земледельческих и мануфактурных усовершенствований. Невольникам нельзя доверить никакой машины. При невольничьем труде необходимо иметь самые простые инструменты, отказаться от всех усовершенствований, ускоряющих работу. Эта язва так ужасно тяготела над Вест-Индией, что даже плуг (с тех пор вошедший во всеобщее употребление) был неизвестен во время невольничества.

В необходимой тенденции рабства к развитию в рабочем классе лени и неспособности заключается, по нашему мнению, истинная причина, по которой оно всегда разоряет народ, держащийся его. Не знаем, справедливо ли такое объяснение, но, во всяком случае, мы видели, что вест-индские плантаторы быстро стремились к этой пропасти. Потому британский парламент не сделал ошибки, когда положил конец этому положению дел. Даже те, которые находят, что освобождение негров им повредило, жалуются теперь уже не на самое дело, а на способ введения его в английских колониях. Они горько жалуются, что невольников освободили с торопливостью, между тем как при введении постепенных мер, приспособленных к облегчению переворота, все пошло бы отлично. Но если это справедливо, аболиционисты имеют полное право обвинить в этом только самих плантаторов, которые не согласились на постепенное приготовление. Мы не хотим порицать плантаторов, они трусили, и потом дорого заплатили за свою непредусмотрительность. Но мы должны упомянуть об ошибке, которую они сделали.

Всего любопытнее в этой истории то, что люди, которые требовали переходных мер, теперь подвергаются обвинению от тех самых людей, которые сопротивлялись им до последней крайности; и обвинению в чем же? — В препятствовании этим мерам! Но пока руководители аболиционистов⁷ не потеряли всякой надежды склонить вест-индских плантаторов сделать хотя что-нибудь для приготовления своих невольников к освобождению, они сильно хлопотали об этих предварительных мерах. Когда в 1823 году мистер Бекстон сделал первое предложение об уничтожении невольничества, он прямо объявил:

Цель наша — уничтожение невольничества, уничтожение полное, обнимающее все пространство британских владений. Мы, однако, не думаем ни о быстром окончании этого дела, ни о внезапном освобождении негров. Мы имеем в виду такие подготовительные распоряжения, которые с медленной постепенностью, в течение известного числа лет, понемногу привели бы нас к уничтожению невольничества, сделав сначала негров способными пользоваться свободой.

Он в особенности требовал освобождения молодых детей невольников, чтобы вследствие этого невольничество могло постепенно исчезнуть,

Что могло быть умереннее этих стремлений? Циркулярные письма, отправленные, вследствие этого диспута, на невольничьи острова Кеннингом, просто «советовали» колониальным властям принять какие-нибудь временные меры, которые могли бы приготовить негров к свободе. Ярость, вызванная этими спасительными советами, показала аболиционистам, как неосновательна была надежда, что плантаторы согласятся на постепенное уничтожение невольничества.

Одну из «переходных мер», так кротко предложенных Кеннингом, должен был бы, кажется, охотно принять каждый англичанин, в какой бы части света он ни жил. Кеннинг предлагал прекратить бичевание женщин. Очевидно, что нельзя было надеяться на возвышение нравственного уровня невольников, пока их жены, сестры и матери были подвергнуты бичу всякого разбойника, поставленного над ними. С чего же было и начинать улучшения, если бы колонисты не согласились отказаться от такой привилегии? И однако, во всех колониях было решено — сохранить вредный и возмутительный обычай.

Аболиционисты или, точнее, английская публика решилась покончить с этими шутками и сказала прямо, что если невольничество нельзя ослабить понемногу, так оно должно быть уничтожено. «Ученичество» было, однако, новой попыткой дать свободу как-нибудь постепенно. Раздражение владельцев и невольников было его единственным следствием. Оно не допускало ни бича, ни заработной платы; и потому, вместо приготовления негров к энергической работе по найму, оно только усилило разрыв между ними и их прежними владельцами.

Мы пришли теперь к концу первого периода в истории английской Вест-Индии — периода невольничьего труда. Мы видели, что при этом порядке вещей рабочие вымирали, производительность слабела, земледелие находилось в варварском состоянии, торговля падала и сами владельцы — английские джентльмены — «приведены были к положению, заставившему их просить помощи парламента». Мы видели, что не аболиционистов, а тех, кто спорил с ними, следует обвинять в непринятии подготовительных мер для переходного периода. Обращаясь к этому периоду, мы можем прямо заметить, что тотчас за уничтожением невольничества последовало сильное уменьшение в количестве вырабатываемого сахара. Плантаторы не привыкли обращаться с неграми, как с свободными людьми, которых можно было только поощрять, а не принуждать к работе. Мы могли бы наполнить сотни страниц описанием болезненных и бесплодных усилий плантаторов, чтобы всякими неправдами избежать ужасной необходимости: обращаться прилично с своими бывшими невольниками, заманивать жалованьем тем самых людей, которых незадолго перед тем могли сечь за малейшее проявление лени. Эти усилия имели единственным следствием внушение неграм отвращения к плантаторам

и решимости зарабатывать себе хлеб где бы то ни было, только не на сахарных плантациях. Притом очень многие плантаторы сами заставляли негров оставить принадлежавшие им коттеджи и земли, надеясь, что эта угроза заставит их работать за меньшую плату. Но результатом был только переход негров на другие места*.

Итак, в течение известного времени в колониях господствовало некоторое затруднение. Многие плантаторы находили очень трудным приспособить свою обстановку и самих себя к новому порядку вещей. Притом в 1843 году страшное землетрясение опустошило группу Подветренных островов. На Антигое** из 172 сахарных заводов 117 были совершенно разрушены. В городе Сен-Джоне целая треть домов была разрушена, а значительная часть остальных повреждена до того, что не могла уже служить жильем. Вслед за тем разразился ураган, и следы этих двух бедствий были еще заметны шесть лет после того. Снесенные церкви, вырванные деревья, разрушенные дома поражали глаз Берда еще в 1849 году. Сахарный тростник пострадал ужасно. Но еще более губелен был ряд засух, которые, с двумя только исключениями, продолжались от 1840 по 1849 год. Шести засух в течение восьми лет было бы, конечно, достаточно для разорения плантаторов, если бы они даже владели миллионами невольников.

Все эти обстоятельства, конечно, страшно затруднили дело, и мы нисколько не отрицаем, что вест-индские владельцы понесли много убытков в течение этих лет. Но многочисленные свидетельства согласно утверждают, что вскоре после эманципации дела стали устроиваться. Выражаясь словами членов комиссии, занимавшейся исследованием состояния Гвианы в 1850 году, скажем, что «обнаружились все признаки перемены к лучшему; количество обрабатываемой земли увеличилось, сбор с полей также; в трудящемся населении стало заметно более прилежания к работе, и вообще состояние его свидетельствует о быстром прогрессе». Невольничество кончилось в 1834 году; ученичество — в 1838; а только в 1847 наступил для колоний кризис, разразившийся тогда над целым миром.

Причиной этого кризиса был огромный упадок в цене сахара. Конечно, и другие обстоятельства содействовали увеличению бедствий, начавшихся в 1847 году; но истинное их объяснение заключается в том поразительном факте, что вест-индский сахар, который в 1840 году продавался в таможенных складах (за вычетом пошлины) по 49 шиллингов, в 1848 году упал до 23 шилл. 5 пен-

* Автор дельной статьи в февральском нумере «Westminster Review» за 1853 год приходит к тому заключению, что «уменьшение количества труда было прямым и непосредственным следствием дурных поступков плантаторов».

** Антигоа или Антигуа — один из малых Антильских островов, принадлежавших англичанам. — *Ред.*

сов, то есть упал на 25 шилл. 7 пенсов из 49! Если возьмем период более обширный, то увидим, что в восьмилетие, заключенное 1846 годом, сахар средним числом продавался (за вычетом пошлины) по 37 шилл. 3 пенса за центнер. В следующие восемь лет средняя цена сахара спустилась до 24 шилл. 6 пенсов за центнер. Заметим это обстоятельство. В первые восемь лет Вест-Индия производила ровно 20 000 000 центнеров сахара*. В следующее за тем восьмилетие производство его увеличилось на 4 500 000 центнеров. Проданное по прежним ценам, это количество должно бы было дать пятнадцатью миллионами фунтов стерлингов, более, чем сколько дало в действительности. Действительный доход был даже семью миллионами фунтов меньше того, который получился в первое восьмилетие, когда сахара производилось меньше. Можно себе представить чувства плантаторов: сбор с полей увеличился, а между тем они получили семью миллионами меньше, чем в прежнее восьмилетие; пятнадцатью миллионами меньше, чем могли бы получить, если бы прежние цены удержались! Уменьшение дохода семью миллионами! Одного этого факта было бы достаточно для произведения страдальческих воплей, раздавшихся в Вест-Индии. Понижение цены с 37 шилл. 3 пенсов до 24 шилл. 6 пенсов повлекло за собой положительный убыток везде, где, по отсутствию владельцев, хозяйство было предоставлено небрежным рукам управителей или где имения были обременены тяжелыми процентами по долгам. Сильное понижение цены сахара есть чрезвычайно важный факт, которого нельзя забывать, если хотим понять, почему в течение этих лет Вест-Индия была так близка от гибели**.

Легко понять, что такое сильное понижение цены главного продукта Вест-Индии было бы причиной глубокого страдания даже в самом здоровом обществе. Но удар стал губителен потому, что период рабства и монополии оставил вест-индских владельцев в таком разоренном, болезненном положении, что, по справедливому замечанию Байджлоу, здание должно было во всяком случае рушиться. Уничтожение или неуничтожение невольничества тут ничего не значило. Дела дошли во время невольничества до того, что неизбежен был какой-нибудь переворот, достаточно

* Parliamentary Return of tea and sugar, July 1818. Этот отчет показывает также, что в течение первых 20 лет нашего века сахар продавался по 48 шилл., т. е. вдвое дороже, чем с 1846 по 1855 год. Неудивительно, что цена собственности в Вест-Индии упала с тех пор, как миновались эти блаженные старые времена.

** Это сильное понижение цен было, конечно, до известной степени, следствием мер, принятых в пользу свободной торговли в 1846 году. Но, с другой стороны, на него имели также влияние те покровительственные меры, которые тогда были приняты Францией, Бельгией и другими континентальными государствами в пользу свекловичного сахара. Сахар тростниковый был тогда принужден сосредоточиваться в Англии, вместо того чтобы расходиться по всей Европе.

сильный, чтобы стереть с лица земли весь старый порядок вещей и очистить место новому. Мы слегка укажем некоторые черты этого старого порядка.

Плантаторы были во время невольничества по уши в долгах. В 1833 году был, например, учрежден на маленьком островке Сант-Люси суд для разбора дел по залогам поземельной собственности; и в первые же 18 месяцев существования этого суда, несмотря на небольшие размеры острова, было протестовано обязательств на огромную сумму 1 089 965 фунт. стерл. Все это были долги, заключенные во время существования невольничества. И этот островок не был исключением. На всех прочих господствовал тот же порядок вещей. Почти все владения были заложены, многие далеко выше своей стоимости, владельцам было почти невозможно выплачивать тяжелые проценты, и извлекать хотя какой-нибудь барыш из сложного и трудного дела, с которым они тщетно старались справиться. Мистер Байджлоу (американский путешественник замечательного ума и наблюдательности), разобрав этот вопрос, объявляет, что в эпоху освобождения «остров Ямайка был в неоплатном долгу... почти все владения были заложены выше своей стоимости и не могли выплачивать лежавших на них процентов... Банкротство было неизбежно».

Но самым невыгодным обстоятельством в положении прежних владельцев было то, что почти никто из них не жил в своих владениях; а если кто и жил, то не был приготовлен к управлению имением. Почти все сахарные плантации принадлежали лицам, жившим в Англии, которые никогда и не видали своих владений. Всякому известно, как редко окупается даже простая английская ферма, если ее не арендуют, а просто поручают управителю на жалованьи. А тут, кроме земледельческого риска, на долю плантатора выпадало сложное мануфактурное производство, требующее очень больших издержек и внимательного присмотра. И все это поручалось агенту владельца.

Очень нередко этот агент был человеком честным, несмотря на сильное искушение; человеком воздержным, несмотря на изобилие рома и нравы вест-индского общества; человеком энергичным, несмотря на расслабляющее действие климата; наконец, очень нередко он обладал и количеством знания, достаточным для ведения обширного хозяйства. Но большей частью это был просто человек, который жил на Ямайке с специальной целью — награть как возможно больше. Бутылка и черные девушки занимали его гораздо больше, чем исполнение обязанности; его энергия испарялась под влиянием лихорадки и белой горячки; с правильными хозяйственными системами он не был знаком во все; его надзору, наконец, вверялось несколько владений, к которым очень часто присоединялось его собственное именье, весьма естественно становившееся уже на первом плане. Как пример

последнего, весьма обыкновенного, случая можем привести записку, поданную в 1852 году сэру Генри Беркли, за подписью одиннадцати джентльменов «колонистов-производителей». В этой записке положительно сказано, что эти одиннадцать плантаторов в то время владели или управляли ста двадцатью тремя именьями! Одиннадцать человек для управления земледельческими и мануфактурными работами сахарного производства в 123 именьях, под влиянием тропического солнца! Доктор Деви говорит, что в Монсеррате только четыре именья из тридцати девяти были управляемы владельцами. Из остальных — *двадцать три* были вверены одному агенту. Неудивительно, что девятнадцать из них оказались или «дурно обработанными» или «оставленными». На Сен-Кристофе было 143 именья, и только восемь владельцев жили на острове. Мистер Байджлоу встретился с одним господином, приехавшим в Вест-Индию объяснить себе, почему его имение с каждым годом поглощает все больше и больше денег. Оказалось, что его агент жил в шестидесяти милях от именья и был принужден сделать неприятное признание в том, что ни разу его и не видел! Впрочем, сказать правду, владельцы были принуждены заключать подобные условия. Нелегко было найти англичанина, сколько-нибудь знакомого с сахарным производством и согласного отправиться выпаривать свою жизнь на Ямайку. Нельзя порицать владельцев за то, что они не жили в своих именьях. Нельзя порицать их за то, что они прибегали к единственным агентам, которых могли отыскать. Но система эта, без сомнения, могла привести только к банкротству и разорению.

Всякий легко согласится, что положение отсутствующего владельца, обремененного долгами, ограбленного, обманутого, забытого своим агентом, было весьма затруднительно даже в то время, когда сахар продавался по великолепным ценам. Какой же участи этот владелец неизбежно должен был подвергнуться, когда с 1840 по 48-й год цена сахара упала с 49 шилл. до 23 шилл. 5 пенсов?

Читатель отгадает причину разорения владельца, припишет его тому, что столь сильное понижение цены должно было не только поглотить все барыши, но и привести к значительной потере. Это справедливо; но все еще не в этом заключается главная причина, которая привела Вест-Индию к такой страшной катастрофе. Смертельный удар нанесла не простая неудача годовой операции, но то, что эта неудача повлекла за собой совершенную потерю кредита; а вместе с кредитом *исчез капитал*.

Одно из главных отличий торговых операций Вест-Индии заключалось в том, что обширный капитал, необходимый для всех работ сахарного производства (капитал, доходящий до суммы нескольких миллионов фунтов), ежегодно был занимаем плантаторами у купцов, живших в Лондоне, под залог следую-

щего сбора тростника, который затем и поступал к этим купцам. Когда сахар так страшно упал в цене, купцы перепугались, и кредит плантаторов лопнул. Они были заняты операцией, стоившей уже им затраты обширного капитала; для поддержания ее им был необходим новый капитал, и этого капитала они не могли достать! Все прочие обстоятельства — долги плантаторов, их отсутствие, недостаток рабочих и т. д. — могли более или менее затруднить их положение; но настоящая сущность вопроса заключалась в том, что вест-индские плантаторы вдруг оказались лишенными капитала.

Страшный недостаток средств еще усилился, дошел почти до невозможности достать денег на каких бы то ни было условиях, оттого, что в это самое время разразился над коммерческим миром кризис 1847 года. И, как будто для того, чтобы Вест-Индии пришлось выпить до дна полную чашу разрушения, вест-индский банк подвергся банкротству.

Итак, вот в каком положении находились дела плантаторов, когда они подверглись конкуренции Кубы и Бразилии. Они были обременены долгами; не занимались своими делами; приобретение ими новых капиталов было подвергнуто всем случайностям займа. Никогда еще такой коренной переворот не постигал людей, менее к нему готовых. Последствия были ужасны. Читатели едва ли поблагодарили бы нас за их описание; да оно и не входит в пределы, которые мы себе определили. Мы хотели только показать, как несправедливо приписывать этот кризис освобождению негров, когда он очевидно был следствием упадка цен на сахар и тех побочных обстоятельств, которые мы описали. Прибавим только, что в Барбадосе недостатка в рабочих руках не было, и заработная плата держалась от 5 до 6 пенсов в день. Между тем и там, как в других местах, «произошел переход собственности из рук в руки, соединенный с разорением первоначальных владельцев, принужденных уступить свои имения по сильно пониженным ценам».

Заметим еще следующее обстоятельство. Старые плантаторские барыши упали; упали сильно. Понижение цен разорило людей, обремененных долгами, или распорядившихся земледельческими и мануфактурными операциями из Лондона через агентов. При всем том, свободная торговля не остановила сахарного производства ни на одно мгновение.

С 1840 года привоз вест-индского сахара в Соединенное королевство подвергался следующим изменениям:

	Центнер.
В шестилетие перед установлением свободной торговли (1841—1846) было привезено	14 629 550
В следующие шесть лет (1847—1852)	17 918 362
В последующие шесть лет (1853—1858)	18 443 331

Мы видим, что цифра привоза постоянно росла. В первые шесть лет после освобождения торговли она поднялась на значительную цифру 3 288 812 центнеров. В вопросе, нами разбираемом, обстоятельство это имеет первостепенное значение. Оно безусловно, необходимо, неопровержимо доказывает две вещи: во-первых, что хотя прежние владельцы не могли извлекать выгоду из сахарного производства, зато новые владельцы могли. Ясно, что количество сахара не увеличивалось бы так постоянно и быстро, если бы производители не находили в этом выгоду. А если так, то, во-вторых, следует, что разорение прежних владельцев зависело от особенных причин — от их долгов, отсутствия и т. д., а не от недостатка рук; потому что с этим недостатком новым владельцам приходилось бороться точно так же, как и старым. Нельзя допустить такую редкость и дороговизну рабочих рук, чтобы не было средств покрыть эту издержку ценою жатвы. Иначе тростника, конечно, и не производили бы.

Итак, мы утверждаем, что вест-индский кризис 1847 года был следствием упадка цен на сахар, заставшего порядок вещей уже совершенно гнилой. Но, может быть, при том же упадке цен и том же гнилом состоянии общества кризис разыгрался бы с меньшей силой, если бы невольничество не было уничтожено? Если бы плантаторы вполне пользовались невольничьим трудом, им, может быть, удалось бы победить эти затруднения? Если бы они не страдали недостатком рабочих рук, им, может быть, удалось бы устоять под порывами бури, разразившейся над ними со стольких сторон?

Как? Если при полном развитии невольничества и монополии плантаторы находились в «бедственном положении, ни с чем не сравнимом» и были принуждены «просить помощи парламента», то можно ли предполагать, что у них достало бы сил выдержать подобную бурю? Такая мысль была бы безумием. Гроза, разразившаяся над миром в 1847 году, во всяком случае разгромила бы плантаторов.

Обратимся теперь к докучливому вопросу о недостатке рабочих рук. Тут прежде всего должно вспомнить, что при освобождении негров известное количество труда необходимо должно было оставить сахарное производство. Во время существования невольничества женщины и мужчины работали вместе, толпами, и оба пола были принуждаемы почти к одинаковому количеству полевой работы. Пока матери были заняты таким образом, детей держали в особенного рода госпиталях, под надзором нянек. К счастью, эта система исчезла вместе с установлением свободы. С другой стороны, во время невольничества большинство рабочих ежедневно сгонялось на одну какую-нибудь работу. Освободившись, каждый выбрал себе ту, которую считал самой удобной и прибыльной. Если бы в результате оказалось меньше сахара, это нисколько не доказывало бы разорения Вест-Индии.

Затем справедливо, что в некоторых местностях, особенно по берегам гвианских рек, большие массы негров, потеряв общение с цивилизованным миром и найдя в охоте и рыбном промысле изобильные средства к жизни, впали в состояние бесполезного варварства. Говорят также, что в портовых городах можно встретить значительное число отвратительно-грязных лентяев, которые неприятно поражают случайного посетителя. Положим, что какой-нибудь путешественник при выходе на берег предлагает шиллинг черному господину в лохмотьях и просит его перенести свой чемодан. Черный господин поблагодарит «массу», но скажет, что «ему не нравится» эта работа. Путешественник принимает его за сумасшедшего и обращается к другому. Тот, после продолжительного соображения, отвечает, что он «готов на все для удовольствия массы»; он «надеется, что господь благословит массу и все его семейство» и что «масса скоро найдет человека, который исполнит его желание», но что он сам собирается вечером на похороны, чтобы «проводить своего умершего брата до могилы». Раздраженный путешественник, натурально, придет к заключению, что все негры — ленивые негодяи, и, вернувшись домой, напишет пламенную тираду против них и филантропов.

Но что же говорят люди, которые в самом деле знакомы с этим краем? Мы были удивлены массой достоверных свидетельств, которые можно привести в подтверждение того факта, что если где-нибудь недоставало рабочих, так или потому, что у плантатора не было капитала, необходимого для еженедельной уплаты жалованья по рыночной цене, или потому, что управляющий не умел принудить себя обращаться с неграми с должной добротой. Рапорты губернаторов показывают, что на большей части островов вовсе нельзя жаловаться на недостаток рабочих рук. Быть может, что на Ямайке, в Гвиане, на Сен-Кристофе, Гренаде и Тринидаде нет количества рабочих, которое бы могло удовлетворить огромному запросу на труд, хотя многие точные исследования свидетельствуют против этого. Заметим, однако, что Сен-Кристоф и особенно Тринидад производят теперь гораздо больше сахара, чем во время невольничества; а в Гренаде «довольство господствует во всех классах общества».

Многочисленные и достоверные авторитеты свидетельствуют, что существующий недостаток рабочих рук не следует относить к лени негров. Понятно, что в таком климате ничья энергия не может развиваться до такой степени, как в Англии. Но «я положительно отрицаю,—писал губернатор Табаго в 1857 году,—чтобы негры были преданы лени. Напротив, я могу засвидетельствовать, что нет в целом мире людей более трудолюбивых; по крайней мере, когда они работают для себя». «Немногие племена,—говорит сэр Чарльз Грей,—способны к труду более тяжелому и настойчивому, чем негры, если только они уверены

в вознаграждения за свой труд». Доктор Деви замечает: «Мнение, что африканец по природе ленив и менее европейца склонен к труду, очень распространено, но все-таки ошибочно. Кто, как я, был свидетелем их неутомимой и заботливой работы, тот, вероятно, <не> будет удивляться деятельности негра и его любви к труду». Свидетельство такого ученого и независимого наблюдателя, как доктор Деви, о «неутомимой и заботливой работе негров» — достойно внимания.

Вот действительные причины недостатка рабочих рук: в первые годы свободы недальнорукое поведение плантаторов раздражило негров и принудило их искать себе пропитания вне пределов плантаций. Затем, после 1847 года, плантаторы в течение нескольких лет не имели капиталов для уплаты жалованья. Это была одна из сильнейших причин удаления работников. В-третьих, агенты плантаторов очень часто оскорбляли негров грубым обращением. В-четвертых, плантаторы были готовы нанимать рабочих на время жатвы, но затем, в течение нескольких месяцев, могли предложить им уж очень мало дела. Весьма естественно, что работник не хотел бросать остальных своих занятий для принятия временного места. Наконец, и в этом заключается сущность вопроса, участок земли, принадлежащий каждому свободному негру, дает ему больше дохода (считая за целый год), чем плантаторское жалованье. Лорд Гаррис свидетельствует, что на Тринидаде негр может получать 10 ф. с каждого акра * своего участка (то есть около 175 руб. сер. с десятины). Если это справедливо, то для общества выгоднее, чтобы он в большей степени увеличивал его богатство этим путем, вместо того чтобы идти работать по найму.

Можно было думать, что в стране, богатой плодородными землями, такого рода причины отвлекут с сахарных плантаций гораздо больше рабочих рук, чем это оказалось на самом деле. В 1857 году в одну Англию (независимо от обширного вывоза в Америку) было вывезено сахара на сумму, доходившую до 5 618 000 фунт. стерл. Такие обширные размеры производства не должны быть приписаны наемным переселенцам; наемные переселенцы большею частью нанимаются в Вест-Индию на пять лет. В последнее пятилетие их было привезено всего 25 000. Между ними было много женщин и детей; многие из них умерли. Такая горсть настоящих рабочих имеет очень мало общего с выработкой сахара на сумму, приближающуюся к шести миллионам фунтов стерлингов.

Мы должны прибавить, что заработная плата далеко не высока. Конечно, сэр А. Эльзен не отказывает себе в удовольствии сообщить нам, что негры «так чудовищно неумеренны в запросе жалованья», так распухлены и беспорядочны в своих привычках,

* Акра. — Ред.

что «отнимают всякую возможность заниматься обработкой сахара с какой бы то ни было надеждой на выгоду». Мистер Карлейль, с обычной своей силой и неточностью, также рисует нам портрет негра, который «по уши залез в тыкву и потягивает сахарный сок. Ему так хорошо среди божьего мира, что он, конечно, может спокойно слушать «запрос» менее блаженной белой личности и не торопиться его исполнением. «Давай больше жалованья, масса, ты не можешь ждать, давай больше», — кричит он, пока, наконец, не дойдет до цифры, выходящей из пределов всякой возможной роскоши жатвы».

Ни педант, ни эксцентрический гений не сообщают никаких фактов относительно «чудовищной заработной платы, выходящей из пределов всякого дохода с самой обильной жатвы», и можно бы было подумать, что плантатор работнику платит в два или три раза больше, чем обыкновенный английский фермер. Между тем официальные отчеты и все дельные авторитеты согласно говорят, что негр получает за полевую работу, средним числом, по одному шиллингу в день или по шести шиллингов в неделю. Такая сумма, конечно, может показаться страшной бывшему негровладельцу; но если бы «никакая жатва тростника» не могла покрыть такой платы, эту жатву следовало бы бросить, — и ее бросили бы.

Вопрос о недостатке рабочих рук совершенно правильно изложен французской комиссией, посланной для изучения положения дел в Вест-Индии. Оставляя Гвиану, эта комиссия писала:

«Некоторые из гвианских плантаторов кричат о невозможности жить при нынешнем порядке вещей. Другие, напротив, уверяют, что никогда не терпят недостатка в рабочих, совершенно довольны прилежанием негров и производят ничуть не меньше, чем в прежние времена... Это надобно сказать о прежних плантаторах. Обратитесь теперь к новым: послушайте этих людей, знакомых с насильственным трудом только по преданию: вы встретите в них единодушие. Они все вам скажут, что довольны условиями труда, что работы их идут успешно».

Нам кажется, что все эти доводы достаточно убедительно доказывают, что не освобождение виновато в вест-индском кризисе 1847 года, что бедствия этого периода были следствием потери монополии, разразившейся над обществом совершенно искусственным и гнилым. Нам кажется несомненным, что потеря монополии произвела бы точно такую же катастрофу и в случае сохранения невольничества. Мы согласны с тем, что недостаток рабочих рук чувствовался во многих местах, соглашаемся, что он был серьезным затруднением для плантаторов, но очевидно, что не недостаток рабочих разорил плантаторов, разорение плантаторов произвело недостаток рабочих.

Была еще и другая сильная причина страданий, перенесенных Вест-Индией. По мнению людей, вполне знакомых с этим вопро-

сом, дурная администрация и дурное положение финансов имели огромное влияние на бедственное положение дел. Мы поговорим об этом подробнее, разбирая положение каждого острова отдельно. Мы покажем, как быстро многие из них достигли блестящего благосостояния тотчас же после того, как в их финансовом управлении были произведены полезные реформы. Мы покажем, как сильно отсутствие таких реформ затруднило положение Ямайки и других островов. Теперь удовольствуемся приведением двух довольно забавных фактов. Доктор Деви говорит, что на Монсеррате считалось только 85 белых, удовлетворявших трем условиям, положенным для избирателя: имевших более двадцати лет, умевших читать и плативших прямые подати. Тем не менее, этот остров имел президента, совет министров, парламент и 77 должностных лиц, считая в том числе членов парламента. Тут были и вице-канцлер, и генерал-прокурор, и генерал-адвокат, и королевский советник, и т. д. Губернатор другого островка официально рапортовал, что число членов палаты уменьшилось от 44 до 42 вследствие того, несколько странного, обстоятельства, что один избиратель, обязанный выбрать двух членов, отправился в Англию.

Остановимся на минуту. Мы доказали, кажется, что не потеря невольников, а потеря монополии привела Вест-Индию к такой страшной катастрофе. Следует ли из этого заключить, что освобождение невольников может быть оправдано, но свобода торговли должна быть осуждена? Может ли история Вест-Индии служить щитом падающему делу протекционизма?

Напротив. Мы покажем читателю, какую массу благосостояния свобода торговли уже распространила в Вест-Индии. Нам скажут, может быть, что она была страшным бедствием. Заметим на это, что нация, решающаяся принять свободу торговли, находится в положении, вовсе не похожем на то, в котором была Вест-Индия. Поступая таким образом, нация говорит: «Вместо того, чтобы силой закона загораживать путь хорошим товарам ко мне, предоставляю каждому желающему наполнять ими мои магазины». Такого рода мера, даже в первую минуту, может только увеличить богатство и благоденствие страны. В Вест-Индии положение дел было совсем другое. Там небольшая группа островов имела привилегию продавать свои произведения метрополии, не опасаясь иностранной конкуренции. Естественно, что решимость метрополии покупать на открытом рынке должна была нанести им тяжелый удар. Если бы весь мир всегда покупал ружья в одном Бирмингаме, а потом вдруг решил купить их во всяком месте, где бы их ни делали, — то, конечно, дела бирмингамских оружейников пошли бы очень плохо. С Вест-Индией был именно такого рода случай. Уничтожение всякой монополии приносит миру вообще большую пользу; но монополисту оно, на известное время, может быть вредно.

Не забудем также, какой нечестной конкуренции акт 1846 года открыл дорогу⁸. Плантаторы Бразилии и Кубы не только имели целые стада невольников, но и пользовались ввозом невольников из Африки, который ежегодно доставлял им 150 000 негров.

Никто не оспаривает факта, что кубинские плантаторы замучивают своих невольников до смерти, средним числом, в семь лет. Они заставляют их работать день и ночь во все время сбора тростника, и *Африка вознаграждает их за убыль в людях*. Ясно, что при такой конкуренции положение английских плантаторов было невыгодно. Мы уверены, что свободный труд очень быстро победил бы невольничество, ничем не поддерживаемое. Но, когда можно заставлять невольников работать до смерти и заменять их новыми, невольничество действительно становится могущественным соперником.

И, несмотря на все это, защитник свободной торговли может торжествовать. В 1846 году говорили, да и теперь очень часто говорят, что свободный труд будет раздавлен такой конкуренцией. Однако статистические сведения о привозе сахара показывают, что в десятилетие, законченное 1846 годом, в Англию было ввезено из стран *свободного труда* 41 903 326 центнеров сахара. В десятилетие, законченное 1856 годом, эта цифра поднялась до 54 616 229 центнеров. Ясно, что свободный труд побеждает даже такое испытание, — побеждает на 12 712 903 центнера. Потребление сахара в Англии, при уменьшенной пошлине, поднялось с 18 253 111 центнеров (в четырехлетие, законченное 1846 годом) до 30 470 354 центнеров (в четырехлетие, законченное 1858 годом). Но всего замечательнее здесь то обстоятельство (на которое финансовым людям следовало бы обратить полное внимание), что свободная торговля не только возвысила народное благосостояние в такой значительной пропорции, но и *увеличила доходы казны*. В первое из названных нами четырехлетий пошлина с сахара составила сумму в 17 750 847 фунт. стерл. Во второе, при пониженной пошлине, сумма эта достигла 20 883 583 фунтов.

Теперь простимся навсегда с «ужасным прошедшим». Времена эти, слава богу, миновались безвозвратно. Законы Англии никогда уже не наденут в Вест-Индии цепей на руки или промышленность человека. Бич уже не терзает тела невольника и не вырывает из груди его ужасный вопль отчаяния: «или ты думаешь, что я — не человек?» Старый порядок вещей уступил место новому. Но тут мы и приходим к главному вопросу — к тому, был ли кризис 1847 года только временной грозой или, напротив, сказал Вест-Индии первое слово неизменного приговора? Разорена ли она? Не обрекли ли ее на смерть филантропы и приверженцы свободной торговли, которые разорвали цепи ее невольников и лишили ее протекционного тарифа? Правда ли, наконец, что она с каждым годом все больше и больше стано-

вится жертвой бедности и варварства, и не точнее ли будет сказать, что, напротив, теперь положены для нее основания цветущего, здорового благосостояния?

Только неопровержимая сила официальных отчетов и статистических цифр, которые мы представим, дает нам смелость произнести наш ответ. Со времени бедствий Вест-Индии глаза англичан мало к ней обращались, и очень немногие знают, что там делалось. Мир вообразил, что смерть прекратила стоны, которые он перестал слышать. А между тем Вест-Индия быстро достигает состояния изобилия, счастья, комфорта, с которым до сих пор не была знакома. Два великие опыта — опыт освобождения и опыт свободной торговли — имели успех, сначала встретивший некоторые препятствия, но теперь с каждым годом принимающий более и более решительный характер.

Мы уже говорили о насилии, которое искусственным образом направляло почти всю массу рабочих сил наших невольничьих колоний к одному занятию — производству сахара. Мы заметили, что при уничтожении этого насилия необходимо должно было произойти новое распределение труда. Точно так же мы говорили, что замена этого однообразного труда различными отраслями занятий была столько же полезна, как и необходима.

Потому мы нисколько не были бы огорчены, если бы какие-нибудь новые отрасли промышленности почти совершенно вытеснили старые. Такого рода факт нисколько не доказывал бы разорения наших островов. Он мог быть следствием более благо-разумного и полезного применения труда. События не дали, однако, такого результата. Свобода труда и торговли не только не ослабила, но значительно увеличила производство сахара в наших колониях. В последние два года чистого невольничества (1832, 1833) наши колонии вывезли в Англию 8 471 744 центнера сахара. В 1856 и 1857 годах вывоз этот достиг до 8 736 654 центнеров. Сверх того, открыта была совершенно новая торговля с Австралией, Соединенными Штатами и некоторыми другими странами. Относительно этой торговли мы не имеем точных данных.

Результат будет еще поразительнее, если мы не примем в соображение Ямайку, по рукам и по ногам связанную (как мы сейчас это покажем) своей дурной администрацией и финансовыми беспорядками. Взяв только остальные шестнадцать островов, мы найдем, например, что в последние шесть лет невольничества они вывозили средним числом 3 007 782 центнера сахара, а в последние четыре года одна Англия получила от них 4 055 521 центнер. Сверх того, была заведена новая торговля с другими государствами.

То же оказывается и относительно рома. Не принимая в соображение остров Маврикия (где вывоз увеличился в 150 раз против прежнего!) и Ямайку, увидим, что во время невольниче-

чества из Вест-Индии вывозилось 2 722 880 галлонов. При свободном труде их вывозится 4 074 602.

Итак, ясно, что на семнадцати островах из восемнадцати производительность увеличилась. Развились даже те отрасли промышленности, в которых можно было ждать падения.

Из одной только Ямайки все еще приходят неблагоприятные вести. Действительно, больно читать отчеты, присланные оттуда в 1853 и 54 годах, после страшных опустошений, произведенных холерой и оспой. Естественно представляется вопрос, почему, среди быстрого развития благоденствия во всех прочих колониях, этот остров, самый важный из всех, все еще находится в страдальческом положении? По нашему мнению, этот факт можно объяснить только дурным состоянием ее администрации. «Нет, — говорит сир Ч. Грей, — никакой системы, ни последовательности в управлении финансами этой колонии; нет ни одного признанного органа исполнительной или законодательной власти, который был бы в состоянии принять действительные и полезные меры».

Беркли говорит: «Я убежден, что корень зол, потрясающих основы здешнего общества, заключается в недостатке взаимной доверенности при ежедневных сделках и в необеспеченности собственности; а это, в свою очередь, есть следствие невозможности при нынешнем административном порядке придать закону хотя какую-нибудь силу».

Однако и на Ямайке произведено несколько важных перемен, и действие их уже заметно в быстрых успехах края. Вывоз произведений острова, простиравшийся в 1853 году до суммы 837 276 ф. ст., в 1855 году дошел до 1 003 325 ф. ст. В два года он увеличился на 166 049 ф. ст. В последнее время губернатор писал, что он «больше чем когда-нибудь надеется на совершенное восстановление благосостояния острова».

Итак, даже Ямайка, повидимому, несколько подвигается вперед; а прочие острова далеко ее обогнали. Легко может быть, что перечень этих островов покажется скучным, но он так свидетельствует о благодетельности свободы труда и торговли, что мы решаемся представить ряд извлечений из губернаторских рапортов о положении и надеждах каждой колонии.

Антигоа. «Отчеты о доходах показывают распространение промышленности и торговли, явившееся вслед за восстановлением благоденствия земледельческих сословий».

Багама. Быстрое развитие этой группы островов выражается увеличением суммы привоза и вывоза. В 1854 году эта сумма составляла 201 497 ф. ст., в 1855—304 421 ф. ст.: приращение 102 924 ф. ст. в течение одного года. В 1855 году здесь было построено 23 корабля. В 1851 году губернатор писал, что в условиях народной жизни обнаружилась «значительная и важная перемена к лучшему», которую он главным образом объясняет успехами воспитания.

Барбадос. 1853. «Значительное распространение торговли. Успех возделывания земли свободным трудом не подлежит сомнению. В 1851 году вывезено больше сахара, чем когда бы то ни было со времени заселения острова».

В 1858 году: «большое увеличение ценности статей вывоза». «Значительное пространство земли, купленной рабочим классом, служит очевидным доказательством его индустриальных способностей и трудолюбия».

Доминика. 1853. «Увеличение производства много обещает в будущем». В вывозе заметно значительное приращение по сахару, рому, кофе, какао, апельсинам, фруктам, кожам, колониальному дереву и хлопку. 1857. «Весьма значительное приращение в доходах и столь же заметное усиление ввоза». Губернатор обращает также внимание на индустриальное развитие массы населения, имевшее следствием распространение в рабочем классе высокой степени комфорта и независимости.

Недавно начавшая развиваться независимость туземного работника уже и прежде выразилась в «небольших участках тростника и маленьких мельницах». Теперь этот работник поднялся ступенью выше; и мы уже видим его арендатором обширных сахарных плантаций. В подтверждение этого можем привести, например, арендатора плантации Hope Vale (492 акра земли с водяной мельницей); арендатора плантации Perseverance (522 акра с паровой машиной и вполне устроенною материальною частью) и арендатора поместья Mound Hardman, бывшего сначала сахарной плантацией, а потом фермой для разведения скота. Бывают случаи, что способный работник принимает издержки производства на себя. Он в состоянии вести хозяйство дешевле, чем его белый хозяин, и при меньших издержках получает больше. Если ему не удастся отыскать приятеля, который бы ссудил его деньгами, он обращается к помощи своих же братьев работников, и после жатвы разделяет с ними собранные произведения или вознаграждает их долями в результате продажи.

Из Гренады мы слышим, «что довольство, повидимому, господствует во всех слоях общества. Из рабочего сословия уже поднялось значительное зерно землевладельцев. Состояние финансов совершенно удовлетворительно» вследствие усиления привоза.

В «Times» 15 октября 1858 года о Гренаде говорится: «Пространство земли, покрытой сахарными плантациями, значительно увеличилось». Упоминается о значительном приращении в вывозе сахара, рома и какао.

Образовалось сословие крестьян собственников и арендаторов, быстро развивающее свое благосостояние и независимость.

Гвиана. Население увеличивается, воспитание повсеместно распространяется, число преступлений становится меньше и торговля развивается.

Монсеррат. Указав на «всеми признанное и постоянное улучшение состояния общества», губернатор продолжает (1853): «Нет острова на этих водах, в котором была бы заметна более энергическая тенденция к общественному и нравственному обновлению и развитию. Сельское население спокойно и довольно. В материальном отношении оно пользуется большим благосостоянием. В течение года привоз больше чем удвоился».

Невис. Дела этого острова в особенности интересны потому, что над его податной системой был произведен опыт, который, может быть, когда-нибудь будет произведен в целом мире. Положение дел острова сделалось после кризиса 1847 года до такой степени отчаянным, что президент Сеймур, человек замечательно смелый и энергический, уговорил, наконец, законодательный корпус согласиться на коренной переворот в финансовой системе. Пошлины с привоза были совершенно отменены, а на доходы с имущества была наложена подать в 20 процентов.

Результаты этой меры были так поразительны, что заслуживают внимания государственных людей, несмотря на ограниченность поля, на котором был произведен опыт. Новая система вступила в силу с марта 1856 года. В этом же году привоз поднялся с 19 728 ф. ст. до 34 449. Быстро открылись новые лавки; доход с домов утроился. Послышались звуки молота и запах свежей краски там, где уже все разваливалось. «Дороги так оживлены, что кажется, будто большая часть населения вышла показать свое новое платье, в гавани, так часто пустынной, я считал десять больших кораблей».

Сен-Винсент. В 1857 году губернатор писал: «Мне чрезвычайно приятно засвидетельствовать, что... положены основания важных и постоянно развивающихся улучшений». Упомянув о распространении земледелия, он писал, что «колония теперь находится в хорошем, здоровом состоянии и подает самые отрадные надежды». Поселяне, по его словам, почти повсеместно пользуются благосостоянием, являются новые села, увеличивается число собственников и фермеров; наконец, постоянно повышается ценность привоза. В 1858 году он писал: «Состояние колонии чрезвычайно удовлетворительно; земледельческие операции значительно развились». Его надежды на прогресс и благоденствие оправдались. Сумма привоза и вывоза в 1856 году составляла 249 526 ф. ст.; в 1857—406 159 ф. ст.; приращение — 156 633 ф. ст. в один год. Он положительно приписывает этот факт развитию образования и довольства. Вот подлинные его слова о состоянии острова: «Отрадные надежды 1856 года вполне оправдались. Настоящее положение Сен-Винсента в высшей степени удовлетворительно; будущее полно самых блестящих обещаний».

Сен-Кристоф. «Сахара теперь производится больше, чем во времена невольничества». «Состояние земледелия на острове подает наилучшие надежды. Торговый оборот в 1856 году выра-

зился суммой 246 536 ф. ст. В 1857 г. он составлял 352 769 ф. ст. — приращение в 106 233 ф. ст. в течение одного года. Число учеников в школах постоянно увеличивается. Количество преступлений постоянно уменьшается.

Сен-Люси. «Никогда еще, в продолжение всей истории колонии, сахарные плантации не занимали такого обширного пространства». Отчеты о воспитании очень удовлетворительны. Губернатору кажется, что «значительная часть населения все больше и больше одушевляется желанием завести у себя школы. Общий вид страны и состояние земледельцев внушают большие надежды».

С 1838 по 42 год сахара было вывезено 4 588 475 фунтов.

Табаго. «Рабочий класс отличается промышленностью* и хорошим поведением».

Тринидад «находится в цветущем состоянии». Во время невольничества торговый оборот составлял средним числом сумму в 810 636 ф. ст.; в 1856 году он дошел до 1 239 241 ф. ст. — приращение в 428 605 ф. ст. В 1852 году сбор тростника был изобильнее, чем когда-нибудь, и с тех пор «в хозяйстве сахарных плантаций были произведены значительные улучшения». При прежнем порядке вещей вывозилось сахару средним числом 310 797 центнеров; в семилетие, заключенное 1854 годом, цифра эта поднялась до 426 042 центнеров.

Эти данные относительно островов архипелага подтверждаются также статистическими отчетами о Вест-Индии вообще.

Вывоз кофе, хлопка, шерсти, сахара, рома, какао постоянно увеличивается. Сумма вывоза Великобритании в Вест-Индию в 1857 году превосходила среднюю цифру вывоза в предшествовавшее десятилетие полумиллионом фунтов стерлингов и равнялась соединенной цифре ее вывоза в Швецию, Норвегию, Данию, Грецию, Азорские острова, Мадеру и Марокко. В четырехлетие, заключенное 1853 годом, вывоз и привоз Вест-Индии составляли вместе 32 500 000 ф. ст.; в следующие четыре года эта цифра поднялась до 37 000 000 — приращение в 4 500 000. В 1857 году весь торговый оборот архипелага оценивали в 10 735 000 ф. ст., и ценность сахара, вывезенного в этом году в одну Англию, составляла 5 618 000 ф. ст.

Все эти официальные отчеты и документы неопровержимо доказывают факт быстрого развития богатства и благосостояния Вест-Индии. Нравственность негров, со времени уничтожения прежнего порядка вещей, сделала, по общему свидетельству, самые отрядные успехи; особенно в тех тысячах новых сел, которые негры себе выстроили. У негров теперь есть много коттеджей каменных. Многие из них с лицевой стороны украшены портиками, для защиты от дождя и солнца.

* В подлиннике *industrious*, т. е. трудолюбивый. — Ред.

По концам строения обыкновенно устраивают спальни, а в середине — род приемной комнаты. У многих негров спальня снабжена хорошей кроватью красного дерева, умывальным столиком, зеркалом и стульями. В средней комнате стоит буфет, с выставленной на нем разного рода посудой, и несколько приличных стульев. Селения выстроены правильно. Участки поселян имеют большую часть продолговатую форму. Дома их расположены в одинаковом расстройнии от краев участка и в 8 или 10 футах от дороги. Иногда передней части участка дают вид европейского садика: украшают ее кустами роз и других цветов и вообще самыми красивыми растениями. В остальной части растут огородные овощи.

Селения негров имеют «весьма приятную наружность». Посещая те из них, которые рассеяны по гористой местности, сэр Генри Беркли нашел, что они имеют сходство с селами Швейцарии и положительно доказывают прогресс цивилизации и комфорта. «Тысячи новых хорошо возделанных поселений, с прекрасно убранными коттеджами и садиками, совершенно переменяли вид края с 1838 года. Они представляют отрадное явление, свидетельствуя о благосостоянии жителей».

Негры, прежде незнакомые с комфортом и независимостью, теперь находятся в совершенно другом положении. Очень многие из них стали собственниками, устроили себе удобные жилища и владеют большим количеством лошадей, свиней и других домашних животных. Они производят такое количество земледельческих продуктов, что ведут обширную торговлю ими. Унижающие привычки бессемейной жизни оставлены многими, уже вступившими в супружество; еженедельные объявления о предстоящих свадьбах доказывают, что обычай брака все более распространяется между ними. Они послушны, вежливы и доверчивы к тем, на кого работают. Часто случается, что они по целым неделям и месяцам работают с одной только надеждой на вознаграждение, хотя много можно насчитать примеров того, что за такую доверчивость им платили обманом.

Количество поселений, образовавшихся со времени освобождения, почти невероятно. На одной Ямайке, в течение восьми лет после этого события, негры выстроили до двухсот таких сел и купили 100 000 акров земли.

Очень многие думают, что освободившиеся негры бросали плантации и располагались на пустопорожней земле. Нет сомнения, что это случалось, но большею частью они покупали землю для своих поселений и платили за нее хорошие деньги. Негр-собственник гордится своим домашним очагом и участком земли, и в этом не уступит никакому англичанину.

Некрасивость вовсе не составляет общей принадлежности всех негров. Многие из негров-креолов могут быть названы красивыми. Высокие и прекрасные лбы, черные и блестящие глаза,

правильные носы и губы, очень мало выдающиеся, попадают очень часто. Одежда женщин большею частью состоит из пестрого бумажного платья, белого платка, повязанного на голове в виде тюрбана, и хорошенькой соломенной шляпы с белыми лентами. Но нельзя не признаться, что в праздничные дни негры наряжаются далеко не с безукоризненным вкусом. Один из путешественников по Вест-Индии был скандализован видом негрятянки, нарядившейся в красные чулки, желтые башмаки и шляпку красную с зеленым, к которой была приколата голубая роза с серебряными листьями. Шелковые материи, атлас, кисея и креп в большом употреблении; и даже «джентльмены» в такие дни показываются не иначе, как в самых ослепительных костюмах. Бархатные воротники, ослепительные жилеты и сапоги, сколько возможно более шумливые, тут совершенно необходимы. Они все носят зонтики, по возможности шелковые, и носовые платки, угол которых непременно выставляется напоказ. Мы слышали, однако, что страсть к ярким цветам исчезает и что женщины становятся все более и более скромными. Просвещение уже уничтожило прежние клички Самбосов, Помпейев, Даркейев; теперь негры любят имена вроде: Аделина-Флоретта, Розалинда-Монемия, Алонзо-Фредерик и т. п. Эти маленькие претензии, конечно, могут вызвать улыбку, но они обнаруживают успех цивилизации. То же можно сказать и об их обращении, в котором произошла удивительная перемена. Грубый тон, недовольный вид и манеры прежних невольников исчезли. Относительно белых они большею частью выказывают приятную и свободную любезность. Их вежливость и почтительность друг к другу, может быть, иногда доходит и до смешного. При встрече друг с другом негры-поселяне всегда меняются поклонами и вопросами. Старики пользуются особенным уважением. Шумливые ребятишки всегда останавливают свои игры при проходе старика. «Как ваше здоровье?» — кричат они; и слышат учтивый ответ: «Как ваше?» Все хвалят великодушие и доброту негров. Несчастные белые бедняки, которых много в некоторых местностях Вест-Индии, часто находят в них ангелов хранителей. Негры часто для них работают, кормят, одевают их без малейшей надежды на вознаграждение.

Они быстро развиваются в гражданском отношении. Берд говорит, что в законодательных палатах многих островов уже заседают цветные люди и чистые негры. Байджлоу в законодательном собрании Ямайки, состоявшем из пятидесяти членов, нашел десять или двенадцать цветных людей. Точно так же он видел цветных людей в числе чиновников, судей и адвокатов. Старые предрассудки против африканской крови исчезают.

Воспитание с каждым годом улучшается. В некоторых округах жалуются на недостаточное усердие негров к доставлению своим детям образования. Зато из других присылаются самые удовле-

творительные отчеты, и почти все губернаторы свидетельствуют об уменьшении количества преступлений. Пьянство мало распространено между неграми. Это веселый, добрый и несколько легкомысленный народ.

Нам пора кончить. Мы надеемся на согласие читателя с тем, что разъяснили три обстоятельства. Во-первых, что если успех освобождения был уменьшен недостатком приготовления негров к свободе, то в этом виноваты не аболиционисты, а плантаторы. Во-вторых, если недостаток рабочих рук был стеснителен в некоторых местностях, то нигде не достиг размеров серьезного неудобства и, во всяком случае, не был следствием лености негров. В-третьих, кризис 1847 и последующих годов был произведен не освобождением негров, а упадком цен на сахар.

Каждый из этих трех фактов имеет свою важность: но вот два главные заключения, к которым привело нас наше исследование. Первое состоит в том, что невольничество и монополия губили Вест-Индию. Второе — что свобода труда и торговли развивает ее благосостояние. При невольничестве и монополии рабочее сословие страдало и гибло жалким образом, а плантаторы были приведены к самому бедственному положению. Старый порядок вещей необходимо должен был вызвать катастрофу. И когда она наступила, когда старый порядок вещей исчез и дал место новому — обнаружилось внутреннее достоинство принципа свободы. Он привел теперь к результатам самым благотворным, поразительным; к результатам, которые немного лет тому назад показались бы невероятными. Мудрая мера оправдалась последствиями. Стремясь только к тому, что было законно и благородно, желая не выгод, а удовлетворения требований справедливости, Англия освободила своих невольников. Без этой меры ее колонии погибли бы безвозвратно; освобождение поставило их на путь благосостояния, и, наконец, с каждым годом дает нашей торговле с Вест-Индией все большее и большее значение. Вест-индские жители с каждым годом все больше и больше обогащают нас произведениями своей плодородной почвы. Вместо того чтобы быть мучением государственных людей, позором Англии — Вест-Индия теперь становится бесценным сокровищем британской короны. Великое дело освобождения доказало, что поступать справедливо есть высшая степень расчетливости.

[К сожалению, вторая половина статьи, говорящая о благотворных последствиях освобождения, еще не применяется к нашей действительности: благодаря тупым опасениям и колебаниям вот уже более двух лет тянется дело об освобождении крепостных крестьян, в котором каждая минута промедления составляет великую потерю и для государства, и для крестьян, и для самих помещиков. Но первая половина статьи, излагающая положение дел при невольничестве и жалобы землевладельцев на отнятие обязательного труда, кажется списанною прямо и буквально с

наших обстоятельств. Мы займемся пока одною стороною этого дела: легкомыслием, с каким принимались простодушными людьми жалобы, несообразность которых поразительна.

Это легковерие действительно изумительно. С 1834 года плантаторы начали кричать, что освобождение негров разорило их, и Европа верила много лет, не замечая в колониях ровно никакого нового затруднения в делах плантаторов. Наконец, в 1847 году, через целых 13 лет по объявлении негров свободными, через целых 13 лет по совершенном окончании всей процедуры освобождения, плантаторы действительно подверглись денежным затруднениям, банкротствам, продажам поместий с аукциона, и Европа поверила, что этот кризис произведен освобождением, и до сих пор нужно спорить против такого анахронизма. Колонии спокойно пережили освобождение, много лет спокойно прожили после него, и, когда все, кроме плантаторов, уже забыли о нем, вдруг начали рассказывать историю вроде того, что внук умер от мышьяка, когда-то будто бы принятого дедом. Банкротство 1847 года, произведенное переменою, кончившеюся в 1838 году, ведь это жалоба, прямо выкраденная из письма, полученного Чичиковым от дамы приятной во всех отношениях, которая «упоминала, что омочает слезами строки нежной матери, которая, протекло двадцать пять лет, как уже не существует на свете». Не ясное ли дело, что между приглашением Чичикова в пустыню со стороны этой дамы и смертью нежной матери не могло существовать ровно никакой связи? Чичиков, как человек неглупый, просто положил письмо в шкатулку, где хранились у него всякие любопытные вещи, в соседстве с приглашительным свадебным билетом, семь лет сохранявшимся в том же положении и на том же месте. Но сочинители, из которых почерпал г. Горлов, не были так рассудительны, и с их руки у нас ссылаются на освобождение английских негров, как на пример, подтверждающий опасения некоторых из нас.

Замечательно сходство в положении денежных дел у наших землевладельцев и вест-индских плантаторов до уничтожения невольничества: у тех и у других имения обременены непоплатными долгами, сумма которых часто превышает ценность самих имений. Может ли что бы то ни было назваться разорительным для людей, дела которых так запутаны? Да чего же их разорять, когда они уже кругом сами себя разорили? Жалобы тут похожи на то, как если бы капитан Копейкин стал бояться, что у него отнимут правую руку, которая, по свидетельству почтмейстера, давно уже была оторвана под Красным или под Лейпцигом.

Плантаторы говорят, что освобождение было причиною уменьшения в производстве сахара на их плантациях. Не совестно ли повторять это, когда производство уменьшилось еще с 1820 года, за 14 лет до освобождения, когда в десятилетие, 1821—1830, они выделали сахара только две трети того количества сахара,

какое было выделано ими в десятилетие 1811—1820? Это решительно то же, что опасение наших землевладельцев за упадок их земледелия от освобождения крестьян, когда каждому известно, что уже давно урожай у наших помещиков с каждым годом становятся хуже. Что тут ронять, когда дело уже много лет падает все ниже и ниже.

Упадок производится в наших поместьях и производился на вест-индских плантациях при невольничестве одними и теми же причинами. На первый раз заметим одну, поразительную по страшной одинаковости своей у них и у нас. После освобождения плантаторы жаловались на недостаток рабочих рук; на то же самое жалуются помещики у нас и сами вест-индские плантаторы до освобождения. Но от чего же этот недостаток рабочих сил, действительно существующий у них и у нас? Просто от того, что и у них и у нас число населения, подверженного обязательному труду, постоянно уменьшалось: работники вымирали от невольничества. Точно то же давно уже происходит и с нашим крепостным населением: по ревизиям оказывается, что оно вымирало в последние 20 или 25 лет.

Новая черта сходства: когда плантаторы увидели, что не избежат освобождения, они стали жаловаться на то, что дело ведут круто и слишком быстро, не приняв медленных приготовительных мер, и жалеть, что негров освобождают, не приготовив их пользоваться свободой. Решительно то же и у нас. «Положим, говорят нам, что освободить крестьян нужно; но ведь они еще не готовы к этому. Свободу свою обратят они во вред самим себе: для них, для государства и для нас, помещиков, будет лучше, если дело повести медленно, постепенно». Но и там, как у нас, сами землевладельцы были причиною того, что дело началось вдруг, без приготовительных мер. Вест-индские плантаторы упорно отвергали всякие советы и приглашения английского правительства и немногих дальновидных своих товарищей заняться приготовительными мерами к освобождению, — отвергали до той поры, пока, наконец, уже ни они сами и никто на свете не мог отсрочит дела, наложенного на английское правительство физическою необходимостью.

Тогда английское правительство по необходимости провозгласило освобождение, хотя и не было сделано приготовлений к нему по прежней неуступчивости плантаторов. Но они и тут захотели как-нибудь выиграть сколько-нибудь времени, и вместо немедленной, окончательной развязки было сочинено переходное состояние под именем ученичества. Таким образом негры, провозглашенные свободными 1 января 1834 года, оставались под обязательным трудом еще четыре года. Это недальновидное своекорыстие, это отсрочивание полного освобождения принесло всему составу колоний и в особенности самим плантаторам такие плоды, от которых дай бог чтобы избавились наши помещики

и наша родина. Негры знали, что правительство решило освободить их; они видели, что оставлены еще на долгий срок под властью плантаторов, хотя смягченной и ограниченной; для них было ясно, что замедление произведено по настоянию плантаторов; они теперь окончательно убедились в недоброжелательстве плантаторов и раздражались против них. Каковы могут быть последствия подобного отношения при энергическом характере простонародья, мы не хотим говорить, но достаточно дурны были последствия и в вест-индских колониях при чрезвычайной мягкости и кротости африканского племени: очень значительная часть той неохоты к найму на плантации, какая существовала в освобожденных неграх, была произведена этими годами переходного состояния. Если бы дело кончилось сразу, оно было бы гораздо выгоднее для плантаторов.

Но была и другая причина неохоты наниматься: те привычки, которых по фальшивой гордости и нерасчетливому раздражению хотели держаться плантаторы. «Как? чтобы я стал вежливо обращаться с моим бывшим рабом? Как? чтобы я стал ограничиваться добрыми убеждениями, оставив угрозы, грубости, попытки расправляться с ним по прежнему обычаю? Как? чтобы я, столбовой джентльмен, знатный светский человек, стал обращаться с этими негодьями за панибрата, подобно какому-нибудь фермеру, не смеющему поругать и поколотить работника?» Кажется, эти слова не доносятся до нас из-за Атлантического океана, а слышатся у нас прямо под ухом.] Будем желать, чтобы вред, принесенный вест-индским землевладельцам желанием продолжать прежнее свое дурное обращение с работниками, послужил уроком [для наших]. Что делать, амбиция, поставяющая свое достоинство [в ругательстве и битье], невыгодна в наш век. Теперь выгодный способ вести хозяйство только один — коммерческий; а чтобы вести дело коммерческим образом, надобно не гнушаться условиями коммерческого обращения с людьми. Посмотрите на торговца: разве он ругается, дает окрики, дерется? Нет, он мягок и ласков, иначе ему быть нельзя, какой дурак захочет связываться с ним? Ему никто не захочет продавать, никто не захочет покупать у него: за свою грубость поплатится он прорехами в кармане. Вест-индские землевладельцы не хотели понять этого, но хорошо будет для [наших], если [наши] поймут.

[Вест-индским плантаторам было еще натурально находить трудным для себя переход к мягкости и ласковости; они, если имели рабов, то, по крайней мере, сами были люди вполне независимые, не привыкшие ни перед кем улыбаться, изгибаться, вилять лисьим хвостом. У нас, слава богу, достаточно уже вошло в нравы иное свойство обращения: ведь каждый помещик беспрестанно бывает в городах, — кто в уездном, кто в губернском, кто в Москву ездит, иной и в Петербург. Каждый в том городе, куда ездит, встречает людей, с которыми нельзя ему обращаться иначе,

как очень и очень мягко, предупредительно, до утонченности любезно. Мы не англичане, мы все очень хорошо умеем быть до невыразимости милы, терпеливы, дипломатичны и кротки, как агнцы, там, где требует наша выгода. Это общее наше свойство принадлежит и нашим землевладельцам. Каждый, когда нужно, сумеет за пояс заткнуть Галейрана по части приятной деликатности обращения. С такую милою привычкою было бы странно портить свои земледельческие дела в обращении с освобожденными мужиками амбициею, от которой мы так ловко умеем отказываться, когда захотим. Стало быть, нужно только понять,] что мягкость делается необходима после освобождения [мужиков] в обращении с наемными работниками[, — лишь бы понять это, а ловкости на исполнение этого у наших землевладельцев наверное достанет. Тогда они избегнут всех неудобств, которым подвергались вест-индские землевладельцы по грубости своих нравов, не смягченных, как наши нравы, постоянным обращением с людьми, перед которыми нельзя нам быть невежливыми.

Вест-индские землевладельцы встречали затруднение в найме работников только тогда, когда хотели быть с вольными людьми грубы и жестоки, как были с рабами. Если наши землевладельцы избегают этой ошибки, они избегают этого затруднения.]

Мы указали только на один вывод из напечатанной нами статьи, но каждая страница ее представляет много материалов для полезных соображений по применению к нашим делам. Повторим в немногих словах сущность статьи.

Обязательный труд разорял вест-индских землевладельцев. Задолго до освобождения дела их были в совершенном расстройстве. Землевладельцы, захотевшие обращаться с освобожденными неграми по-человечески, не потерпели от освобождения никаких затруднений в своем хозяйстве, — напротив, хозяйство их пошло лучше. Освобожденные негры не усердны в работе только для тех землевладельцев, которые не могли отбросить любви к бичу и ругательствам. Эти страдальцы от собственной грубости и жестокости совершенно напрасно взводят на негров клевету, будто они ленивы и грубы, — напротив, огромное большинство негров очень трудолюбиво.

Вспоминая о заглавии нашей статьи, мы спрашиваем: возможно ли говорить о лениности какого бы то ни было простонародья, если оказывается, что молва о лениности — недобросовестная выдумка даже относительно африканской расы? А если так, то на чем же могут быть основаны [у нас] опасения о том, что землевладелец не найдет себе наемных работников, сколько их нужно не только для ведения хозяйства в нынешнем размере, но и для расширения его? Неужели же о людях, чувствующих такое опасение, надобно иметь опасение, что они любят палку более, чем свою выгоду, неспособны пользоваться выгодою, если выгода доставляется не [палкою]?